

Любовь Писарькова

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин:

СУДЬБА РЕФОРМАТОРОВ И РЕФОРМ В РОССИИ¹

УДК
930

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин, разработчики важных реформ, вошли в историю с противоположными знаками: один – великий реформатор, другой – создатель «контрреформ». Причину столь разной оценки автор статьи видит не в результатах их деятельности, а в общественно-политическом климате, сложившемся в пореформенной России, и специфическом восприятии самих реформ.

M.M.Speransky and A.D.Pazukhin, the developers of important reforms, went down in history with opposite signs: one is the “great reformer”, the other is the creator of the “counter-reforms”. The author of the article sees the reason for such a different assessment not in the results of their activities, but in the socio-political climate prevailing in post-reform Russia and the specific perception of the reforms themselves.

Ключевые слова: М.М.Сперанский; А.Д.Пазухин; местное управление; специфика реформ в Европе и России; общественное мнение; «контрреформы».

Key words: M.M.Speransky; A.D.Pazukhin; local government; specifics of reforms in Europe and Russia; public opinion; “counter-reforms”.

E-mail: afanasiev44@list.ru

¹ Статья тематически связана с опубликованной ранее в журнале статьей автора. См.: Л.Писарькова. Кахановская комиссия и реформы 1880–1890-х гг. // *Россия XXI*. 2020. №2. С.156-185.

Сближение этих деятелей у многих читателей вызовет в лучшем случае недоумение. Действительно, что может быть общего между Михаилом Михайловичем Сперанским (1772–1839), талантливым реформатором начала XIX в., намного опередившим свое время, о котором написано множество исследований, и Алексеем Дмитриевичем Пазухиным (1845–1891), автором так называемых «контрреформ» конца 1880-х – начала 1890-х гг., известного в основном историкам, изучавшим период царствования императора Александра III. Однако их выбор не случаен: он позволяет получить ответ на вопрос, поставленный в настоящей статье, почему эти деятели вошли в историю со столь различной оценкой.

Несмотря на обилие проводимых в XVIII–XIX вв. российских реформ в области управления, далеко не всегда можно установить имена разработчиков проектов. В одних случаях их имена «тонули» среди членов многочисленных комиссий, создаваемых для составления законопроектов, в других – их авторство скрывалось за подписью начальников учреждений, что было довольно частым, если не обычным, явлением. Г.Р.Державин вспоминал, как в 1780 г., вскоре после поступления в Экспедицию о государственных доходах, ему, несведущему в финансовых делах, поручили разработать правила казенного управления. Чтобы исполнить волю начальника, он собрал и изучил все указы, имевшие отношение к финансовым учреждениям. Но, поскольку «была ему дика и непонятна почти материя, то марал, переменил и, наконец, через две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помощи». Однако автором этого проекта, получившим силу закона, значился не Державин, а А.В.Храповицкий, который «присвоил сию честь» [13, с.88]. Хорошо известно, что многие записки и законопроекты, за которыми давно закрепилось авторство высокопоставленных лиц, в действительности написаны их подчиненными, умевшими развить и облечь в деловую форму мысли начальников. Так, в 1801–1806 гг. многочисленные записки, проекты, отчеты, поступавшие к Александру I за подписями Д.П.Трошинского и гр. В.П.Кочубея, составлены Сперанским. Автором проекта Манифеста 8 сентября 1802 г. (об учреждении министерств) был не Н.Н.Новосильцов, как принято считать, а чиновник его канцелярии и член Комиссии составления законов Я.А.Дружинин [26, с.691]. А известная записка гр. А.А.Аракчеева «О министерском комитете»

(1815 г.) является лишь частью проекта В.Р.Марченко, чиновника С.Е.И.В. канцелярии [6, с.123–125; 27, с.81]. И такие «открытия» далеко не единственные.

В отличие от многих неизвестных разработчиков проектов, как Сперанский, так и Пазухин при всей разнице масштабов их деятельности вошли в историю как авторы важнейших законов в области государственного управления.

**Деятельность М.М.Сперанского
в оценке современников
и потомков**

Сперанский, выходец из духовного сословия, преподаватель Александров-Невской семинарии, благодаря недюжинным способностям и счастливому характеру, сделал головокружительную карьеру на гражданском поприще. В 1797 г. в чине титулярного советника (9-й класс) он поступил на службу в канцелярию генерал-прокурора Сената в не простой для чиновников период царствования Павла I. Несмотря на частую смену генерал-прокуроров, каждый из них (кн. Ал.Б.Куракин, кн. П.В.Лопухин, А.А.Беклешов и даже П.Х.Обольянинов) способствовал быстрому продвижению Сперанского по служебной лестнице. В начале царст-

вования Александра I способному и исполнительному чиновнику покровительствовали Д.П.Трошинский и гр. В.П.Кочубей, а с 1807 г. сам император. Уже в 1801 г., т.е. спустя четыре года с начала службы, Сперанский получил чин действительного статского советника (4-й класс), а в 1808 г. – тайного советника (3-й класс) [51, с.600–601; 15, с.170–171]. За столь короткий срок преодолеть многочисленные ступени гражданской службы не удавалось даже представителям знатных фамилий. Но многие из них достигали высших гражданских чи-

М.М.Сперанский

нов посредством придворной службы. Такой возможности дети аристократов лишились после издания 3 апреля 1809 г. указа «о придворных званиях» [30, с.899–900], разработанного Сперанским по воле императора. Чтобы в полной мере оценить значение этого указа, необходимо раскрыть механизм превращения придворного служащего в высокопоставленного чиновника.

По Табели о рангах 1722 г. чины камергера и камер-юнкера состояли соответственно в 6-м и 9-м классах (их обязанности ограничивались эпизодическими дежурствами во Дворце). Законодательными актами 1737 и 1742 гг. чин камергера был перемещен в 4-й класс, а камер-юнкера – в 5-й. При Екатерине II, в связи с увеличением числа камергеров и камер-юнкеров, возникла необходимость выделить из них «действительных» служащих Двора Е.И.В., т.е. тех, кто входил в придворный штат и получал жалованье. Действительные камергеры, состоявшие в одном классе с действительными статскими советниками, получили возможность при переходе из придворной на гражданскую службу сразу повышаться в чин тайного советника [50, с.164, 170–171], что и осуществлялось на практике. Такую карьеру сделали многие государственные деятели конца XVIII – начала XIX в., включая членов Негласного комитета, реформаторов начала царствования императора Александра Павловича. Как можно судить по данным послужных списков, до поступления в придворную службу никто из них не имел ни высоких чинов, ни опыта административной работы. Гр. В.П.Кочубей, находясь в чине подпоручика, в 1786 г. стал камер-юнкером, в 1792 г. (после бессрочного отпуска за границей) поступил на дипломатическую службу; в 1795 г. получил чин действительного камергера, а в 1798 г. – действительного тайного советника. Н.Н.Новосильцов в 1796 г. вышел отставку в чине подполковника и до начала нового царствования находился за границей; в 1801 г. стал действительным камергером, в 1806 г. – тайным советником. Кн. А.А.Чарторыйский, в течение ряда лет воевавший против России, в 1795 г. по требованию Екатерины II доставлен в Петербург в качестве заложника; в 1796 г. получил чин камер-юнкера, в 1799 г. – тайного советника. Гр. П.А.Строганов в 1786 г. произведен в поручики гвардии (без действительной службы), с 1787 г. находился за границей, в основном во Франции, где в 1790 г. состоял членом якобинского клуба. После возвращения в Россию по распоряжению императри-

цы в 1791–1796 гг. жил в подмосковном имении. В 1794 г. стал камер-юнкером, в 1798 – действительным камергером, в 1802 г. – тайным советником [51, с.324–325, 463–464, 712–713; 44, с.514–515, 518].

В царствование Александра I многие из тех, кто исполнял должности министров и губернаторов, достигли их не многолетним трудом, а придворной службой. Так, камергер А.В.Васильчиков, нигде не служивший, в 28 лет стал действительным статским советником и в 1807 г. назначен новгородским губернатором [9, с.855].

Таким образом, для молодых людей из знатных семей придворная служба являлась своего рода трамплином, который позволял им делать стремительную карьеру на военном или гражданском поприще и, не имея опыта работы, занимать высокие должности в государственном управлении.

Указ 3 апреля 1809 г. «о придворных званиях» кардинальным образом изменил сложившуюся практику. Впредь запрещалось присваивать камергерам и камер-юнкерам военные или гражданские чины без действительной службы, чины камергеров и камер-юнкеров превращались в почетные придворные звания. Их владельцам предписывалось в течение двух месяцев вступить в действительную службу и «продолжить оную по установленному порядку с первоначальных чинов» [30, с.899].

В исторической литературе указу «о придворных званиях» уделено меньшее внимание, чем указу 6 августа того же 1809 г. «об экзаменах на чин» [31, с.1054–1057], также составленному Сперанским. По сравнению с предыдущим указом он оказался менее удачным. В начале XIX в. к широкому распространению образования еще не были готовы ни государственные структуры, ни общество, поэтому требование у чиновников университетских аттестатов оказалось преждевременной мерой. Подтверждением тому служат многочисленные исключения из общих правил, предусмотренные уже в самом законе; после 1809 г. число чиновников разных ведомств, получавших чины коллежского асессора и статского советника без сдачи экзаменов, постоянно росло. Показательно, что в 1826 г. по случаю коронации Николая I все титулярные и коллежские советники, занимавшие должности 8-го и 5-го классов, были повышены в эти классы без экзаменов. В 1834 г. закон 6 августа 1809 г. был вовсе отменен [29; 39]. Тем не менее за время своего действия он испортил карьеру многим

чиновникам, на что указывает появление тогда такого понятия, как «вечный титулярный советник».

Указы 1809 г. больно ударили по честолюбивым замыслам многих современников Сперанского и вызвали ропот в высшем обществе и чиновном мире. Не прибавила популярности Сперанскому и финансовая реформа [22, с.53–60], которая привела к резкому повышению налогов и затронула интересы всех слоев населения. Реформа центрального управления 1810–1811 гг. также вызвала множество нареканий в правительственных кругах; ее критики отмечали слабые стороны новой организации министерств, проявлявшиеся на протяжении всего существования этих учреждений². Характеризуя отношение общества к законотворческой деятельности Сперанского, Ф.Ф.Вигель писал, что от нее ждали всяческих бед и несчастий; на его кабинет «смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собой все наше отечество». Неудивительно, что весть о неожиданной отставке реформатора 17 марта 1812 г. и ссылке его в Пермь «громко разнеслась по всей России» и вызвала «всеобщую радость» [8, с.296].

По каким информационным каналам «разносились» тогда известия о событиях, происходивших в столице, причем с определенной их оценкой? В начале XIX столетия, в отличие от второй его половины, общественное мнение формировали не органы печати. Немногочисленные периодические издания выходили в Петербурге и Москве небольшими тиражами. Издавались три официальные газеты, трактующие события с правительственной точки зрения³, и журналы, в основном литературного и познавательного содержания. В других городах, за исключением Одессы, первые органы печати («губернские ведомости») появились только в 1838 г.

Общественное мнение формировалось, главным образом, в столичных салонах, гостиных и клубах, где происходила оценка событий и явлений как внешней, так и внутренней жизни, далеко не всегда совпадавшая с официальной позицией. Информация о столичных новостях распространялась по всей стране посредством переписки и личного общения, нередко в виде толков и слухов, далеких от истины

² Подробно см.: [36].

³ «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и «Северная почта» (с 1809 г.). См.: [41, с.14–133].

[11, с.57–59]. Так, А.Я.Булгаков, сообщая брату об отставке Сперанского, 2 апреля 1812 г. писал из Москвы в Бухарест о том, что «целый свет наполнен теперь Сперанским», который, по сведениям автора письма, арестован и помещен в крепость [5, с.271].

Оценка реформаторской деятельности Сперанского, данная его современниками, нашла отражение в деловых бумагах, записках, воспоминаниях и письмах. Однако большинство из них было опубликовано только в 1870–1890-е гг. Показательна в этом отношении судьба известной записки Н.М.Карамзина «О древней и новой России», содержавшей суровую критику проводимых тогда реформ. «Записка», поданная императору Александру Павловичу 18 марта 1811 г., была обнаружена в 1836 г. в бумагах гр. А.А.Аракчеева (после его смерти в 1834 г.) и впервые напечатана в Берлине в 1861 г.; в России полный ее текст опубликован только в 1900 г.⁴.

М.Н.Катков

Спустя годы оценка государственной деятельности Сперанского стала меняться. Как писал о Сперанском в 1861 г. издатель-редактор журнала «Русский вестник» М.Н.Катков, «в первую блестящую пору своего поприща был он предметом горячих толков и страшных осуждений, но потом он вошел в ряд обыкновенных светил и вскоре после его смерти о нем заглохла в отечестве всякая память» [18, с.113–114]. С таким категоричным утверждением вряд ли можно согласиться. Сперанский не был забыт: в 1840–1850 гг. статьи, освещавшие отдельные факты его биографии, печатались в губернских ведомостях, реже – в журналах.

⁴ Первая полная публикация «Записки» могла появиться в России в 1870 г. Она была напечатана П.И.Бартеневым в журнале «Русский архив», но по цензурным соображениям вырезана из отпечатанных номеров журнала. Однако несколько ее оттисков сохранилось [21, с.475; 42, с.221–226].

Повышенный интерес к государственной деятельности Сперанского возник в период подготовки реформ 1860–1870-х гг.⁵, чему в немалой степени способствовало издание в 1861 г. книги бар. М.А.Корфа «Жизнь графа Сперанского». По оценке Каткова, благодаря этой книге «просияется теперь образ этого необыкновенного человека, остававшийся до последнего времени в совершенном тумане» [18, с.113]. Написанная на основе многочисленных и не известных ранее документов, книга привлекла всеобщее внимание и вызвала множество рецензий и откликов. Их авторы, отмечая сильные и слабые стороны исследования, неизбежно касались и деятельности Сперанского. В этом отношении особый интерес представляет оценка проектов Сперанского, данная в 1861 г. одним из руководителей журнала «Современник» Н.Г.Чернышевским и издателем журнала «Русский вестник» М.Н.Катковым. Характеризуя «План всеобщего государственного образования», Чернышевский писал, что Сперанский опережал время и не учитывал условий жизни, он «хотел ввести будущее в настоящее». Реформатор «строит без фундамента, т.е. без достаточной подготовки умов в отношениях нравственном, юридическом и политическом» [49, с.795]. В конечном итоге Чернышевский приходит к заключению, что «Сперанский был в то время непрактичным мечтателем» или «увлекающимся мечтателем» [49, с.812, 827].

М.А.Корф

Катков дал более подробную характеристику деятельности Сперанского. Издатель «Русского вестника» отмечает блестящие способности Сперанского, большие заслуги в юридической сфере, но считает его недостаточно подготовленным к делам управления и законодательства. «Он воспользовался всем, что могли дать ему школа и кан-

Катков дал более подробную характеристику деятельности Сперанского. Издатель «Русского вестника» отмечает блестящие способности Сперанского, большие заслуги в юридической сфере, но считает его недостаточно подготовленным к делам управления и законодательства. «Он воспользовался всем, что могли дать ему школа и кан-

⁵ См. библиографию к статье «Сперанский М.М.» [51, с.605–607].

целярия; но этого конечно очень мало для того, чтобы явиться государственным преобразователем, (...) ему неоткуда было услышать голос самой жизни». В результате, «мы видим блестящие постройки в кабинете по самым симметрическим планам и ломку в жизни, как только проникало в нее что-нибудь из этих кабинетных замыслов; (...) все между тем вызывало лишь ропот или вопли» [18, с.114–115]. Опираясь на факты из книги бар. Корфа, автор отмечает слабые стороны проектов начала XIX в., рожденных в «канцелярской лаборатории законов» [18, с.123], и их негативное воздействие на государственную жизнь страны. По мнению Каткова, прогресс в развитии государства достигается только посредством тех преобразований, которые диктует сама жизнь, а не рождает ум реформатора. Но в период подготовки новых реформ такую точку зрения разделяли далеко не все. «Сперанский, – пишет Катков, – был пленен современными ему идеями. В эту первую, блестящую пору его государственной деятельности он был, конечно, прогрессист, как сказали бы теперь у нас, даже крайний прогрессист» [18, с.123]. В этих словах слышатся отзвуки современных ему дискуссий и споров, вызванных подготовкой реформ 1860-х гг.

Очевидно, что Чернышевский и Катков, представители разных направлений в публицистике, сходились в оценке проектов Сперанского, считая их преждевременными и даже вредными. Тем не менее интерес к личности Сперанского и его проектам продолжал расти, о чем свидетельствуют широкое празднование в 1872 г. столетия со дня рождения реформатора и многочисленные публикации документов и статей о его жизни и деятельности. Новые поколения реформаторов с большим вниманием относились к проектам Сперанского и многие из них, казавшиеся в свое время утопичными, начинали воплощаться в условиях другой эпохи. В 1906 г. в России учреждена Государственная дума, составлявшая важную часть «Плана» 1809 г. А идея создания всесословной волости во главе с избираемой волостной думой на протяжении второй половины XIX – начала XX в. вдохновляла многих реформаторов⁶.

⁶ Вопрос о создании всесословной волости обсуждался в 1860-е гг. при подготовке земской реформы 1864 г.; ее введение предусматривалось проектом реформы местного управления, разработанным в 1885 г. Совецанием Кахановской комиссии, затем проектом правительства П.А.Столыпина в 1907 г. Была учреждена после февральской революции в 1917 г.

Таким образом, несмотря на негативное отношение современников к законотворческой деятельности М.М.Сперанского, он получил высокую оценку последующих поколений и вошел в историю не только как талантливый кодификатор, но и как великий реформатор, в блеске славы которого бледнеет и теряется фигура Александра I.

**Деятельность А.Д.Пазухина
в оценке современников
и потомков**

Иной оказалась судьба реформатора 1880-гг. А.Д.Пазухина. Сведения о нем очень кратки. Пазухин происходил из дворян Симбирской губернии, окончил юридический фа-

культет Московского университета со степенью кандидата права. Первоначальный этап его деятельности связан с Алатырским уездом Симбирской губернии. В 1872 г. его избирают участковым мировым судьей и гласным уездного земского собрания; в 1878 г. он становится предводителем уездного дворянства и почетным мировым судьей. Многолетняя и разнообразная по характеру общественная служба позволила ему в полной мере изучить жизнь провинции и условия сельского быта. Второй этап деятельности Пазухина связан с Петербургом. В октябре 1884 г. он приглашен в столицу в качестве эксперта по вопросам местного управления; в 1885–1890 гг. был правителем канцелярии Министерства внутренних дел; по роду службы принимал участие в обсуждении ряда законопроектов, в том числе в Комиссии министерства финансов по вопросам земского обложения. В 1887 г. получил чин действительного статского советника, в январе 1891 г., за три недели до смерти, награжден орденом св. Станислава 1-й степени [32, с.112–113; 33, с.539].

С октября 1884 г. и до мая 1885 г. Пазухин в числе 15 местных деятелей (предводителей дворянства и губернаторов) участвовал в обсуждении проекта реформы местного управления, разработанного членами Кахановской комиссии. Для понимания важности этого проекта следует сделать небольшое отступление⁷.

Необходимость переустройства местного управления осознавалась уже при Александре II. Результаты сенаторских ревизий, проведенных в ряде губерний в 1880 г., подтвердили наихудшие представле-

⁷ О подготовке реформ 1880–1890-х гг. Кахановской комиссией и Министерством внутренних дел и влиянии этих реформ на местное управление подробно см.: [37].

ния верховной власти о состоянии дел на местах. Принятия безотлагательных мер требовали многие местные учреждения, прежде всего присутствия по крестьянским делам – органы крестьянского самоуправления, заменившие в 1874 г. мировых посредников. Не случайно с начала царствования Александра III проведение реформы местного управления признавалось одной из первоочередных задач нового правительства.

Уже в октябре 1881 г. была создана Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М.С.Каханова, занимавшего при гр. М.Т.Лорис-Меликове должность товарища министра внутренних дел. Руководствуясь материалами сенаторских ревизий и предложениями с мест, Комиссия должна была разработать проект преобразования губернского и уездного управления. Ее создание не осталось незамеченным. Либерально настроенная часть общества, прежде всего земцы, связывала с деятельностью Комиссии надежды на расширение роли общественных учреждений и создание волостного земства, управлявшего независимой от администрации всесословной волостью [4, с.157]. Их оппоненты, напротив, видели задачу Комиссии в усилении в местном управлении роли государства. «Требуется, – писал М.Н.Катков в ноябре 1881 г., – чтобы государство – от центра до мельчайших местных обществ, городских и сельских – составляло один организм, в котором не должно быть и тени разновластия» [17, с.401].

В таких условиях проект, составленный к концу 1883 г. Особым совещанием Кахановской комиссии, не мог удовлетворить ни тех, ни других. Проект предусматривал создание всесословной волости во главе с избираемым волостелем, но без волостного земства, что не устраивало либералов, стремившихся к расширению выборного начала. Вместе с тем он заметно расширял участие выборного элемента во всех областях губернского и уездного управления, что не устраивало консерваторов, сторонников упрочения государственной власти.

В октябре 1884 г. этот проект поступил на рассмотрение членов Комиссии и экспертов с мест («сведущих людей»), приглашенных министром внутренних дел гр. Д.А.Толстым. Основные пункты проекта (создание всесословной волости вместо крестьянской, усиление роли земств и др.) вызвали полное неприятие со стороны приезжих, обвинивших «петербургских бюрократов» в полном незнании жизни в

губерниях. Кроме того, эксперты не видели необходимости в проведении всеобщей реформы местного управления, как предусматривал проект, и предлагали сосредоточиться на решении насущных вопросов, прежде всего, на устройстве крестьянского управления.

Активным критиком проекта выступил Пазухин. По его оценке, «работы и проекты Кахановской комиссии, бесспорно, заключают в себе много дельного и полезного, но есть нечто нужнее этих реформ: это – положение нашего крестьянина; оно в полном смысле беспомощное; крестьянин буквально завален властями: все приказывают, все требуют, но нет никого, кто бы представлял собой для крестьянина власть, близкую его нуждам, власть, заботящуюся о нем. А между тем пролезают в деревню люди, которые хотят сбить его с толку, его отдалить от церкви, его возбуждают против власти – против этой пропаганды он беспомощен, как бессилён против злоупотреблений его собственных избранных властей – старост, старшин, судей». По мнению Пазухина, чтобы исправить положение дел, нужна «не реформа всего губернского и уездного строя»: для этого необходимо «поставить крестьянина в деревне так, чтобы у него был начальник и защитник исключительно для крестьян» [23, с.724].

Эти соображения и были положены в основу проекта о земских начальниках. Пазухин предлагал подчинить крестьянскую волость земскому начальнику, назначаемому из числа дворян и лиц с высшим образованием, наделить его административными и судебными полномочиями и упразднить мировых судей, ставших при такой организации управления лишним звеном. По сути, проект сводился к возрождению мировых посредников, действовавших в 1861–1874 гг. и хорошо себя зарекомендовавших.

В ноябре 1884 г. предложение Пазухина обсуждалось в заседании Комиссии, но большинство членов его не поддержало. Тем не менее этот проект получил дальнейшее развитие в «Положении о земских участковых начальниках», составленном Пазухиным уже в качестве правителя канцелярии Министерства внутренних дел; 12 июля 1889 г. оно было утверждено императором и получило силу закона.

Свое видение ситуации в стране и путей реформирования местного управления Пазухин изложил в статье «Современное состояние России и сословный вопрос», опубликованной в 1885 г. в январском номере журнала «Русский вестник» [34, с.5–58]. Анализируя обстановку, сложившуюся в России после реформ 1860–1870-х гг., автор приходит к неутешительным выводам. Он отмечает социальное брожение в обществе, снижение нравственного уровня, расшатывание семейных устоев и рост корыстолюбия («деньги стали предметом притягательности»). Причину негативных явлений он видит в реформах Александра II (земской, судебной, городской). «Вместо оценки реформ, внесших дезорганизацию в страну, стали обвинять самую

А.Д.Пазухин

страну в неумении приладиться к новым условиям жизни» [34, с.8]. Эти реформы, разработанные «в тиши петербургских канцелярий», а не вызванные историческим ходом вещей [34, с.13], внесли в жизнь России чуждое ей начало бессословности. Однако бессословные общественные учреждения по своему составу и характеру деятельности оказались далекими от замысла законодателей. «Когда говорят о земстве, — пишет Пазухин, — то имеют в виду то, что должно быть по Положению 1864 г., а не то, что

есть». Причина такого несоответствия заключается в организации избирательной системы, которую Пазухин подверг особой критике. Избирательные собрания, сформированные по имущественному принципу, представляют собой «искусственную смесь разных народных элементов», что приводит к избранию случайных людей. В результате, общественное благо служит лишь прикрытием для достижения личного благополучия. По наблюдению автора, с каждым выбором состав общественных учреждений (земств, городских дум, мировых судов) заметно ухудшался, что проявлялось в росте числа

злоупотреблений, интриг и, в конечном итоге, в падении авторитета власти. Основную проблему управления крестьянами он видит в подчинении их разного рода начальникам, что приводит к многовластию [34, с.14–17, 19]. Виной тому реформы, которые «подорвали нашу сословную организацию и привели Россию к состоянию социального брожения». Результатом реформ стало и появление интеллигенции, представляющей «бесформенное общество, которое наполняет собой все щели, образовавшиеся в народном организме в эпоху реформ, и которое теперь лежит довольно толстым пластом сверху России». По мнению автора, с ростом численности этого бессословного класса, для которого характерны «беспочвенность и отчужденность от народа», связано распространение в России революционных идей [34, с.24, 38].

Выход из создавшегося положения Пазухин видит в возрождении в административном и общественном управлении роли сословий, прежде всего дворянства. Именно сословная организация общества на протяжении всей истории России служила прочным фундаментом самодержавия и российской государственности. Этот тезис автор подтверждает экскурсом в историю России. Он видит много общего между смутой начала XVII в. и смутой 1880-х гг., но если в первом случае причиной смуты стало падение самодержавной власти, то во втором – принятие ряда законодательных мер, которые привели к расстройству общественного организма и ослаблению власти [34, с.46–47]. По мнению Пазухина, для наведения порядка в стране необходима реформа земских и городских учреждений, которая «должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении *представительства сословий* вместо *представительства случайных групп разного рода имущественников* (так в тексте. – Л.П.)». Кроме того, «необходимо вернуть дворянству его права и обязанности по государственной и земской службе». «Только таким путем можно скрепить связь между правительством и дворянством и между дворянством и землей». Только при такой организации, – заключает Пазухин, – будет достигнута «главная цель реформы местных учреждений: подъем авторитета власти» [34, с.54–56, 58].

Необходимо было обладать известной долей гражданского мужества, чтобы выступить в прессе с критикой реформ 1860-х гг. и такой

Н.М.Карамзин

непопулярной в либеральных кругах идей, как организация местного управления на сословных началах.

По содержанию и структуре статья «Современное состояние России и сословный вопрос» близка к записке Н.М.Карамзина «О древней и новой России» (1811 г.) [16, с.378–434]. Как и Пазухин, Карамзин критикует реформы за введение в жизнь России чуждых ей начал, которые подрывали самодержавие, представлявшего основу российской государственности;

выделяет особую роль дворянства в его сохранении. Как и Пазухин, Карамзин в своих доводах опирается на события российской истории, а в конце «Записки» намечает пути выхода из неблагоприятной для России ситуации, сложившейся в начале XIX в. во внешней и внутренней политике.

В связи с этим закономерно задаться вопросом: читал ли Пазухин «Записку» Карамзина или сходство этих произведений объясняется лишь повторяющимися последствиями масштабных преобразований, не однажды потрясавших исторические устои России. При желании Пазухин мог ознакомиться с содержанием «Записки» по ее немецкому изданию 1861 г. или по случайно сохранившимся оттискам из «Русского архива» 1870 г. (о публикациях «Записки» см. выше). Необходимо учитывать и то обстоятельство, что и Карамзин, и Пазухин были уроженцами Симбирской губернии; более того, их семьи связывали родственные отношения. Мать историка Екатерина Петровна Карамзина была урожденной Пазухиной [46, с.25; 28, с.9]⁸. Вероятно,

⁸ Следует заметить, что родственные связи существовали между Пазухиными и Дмитриевыми и между Дмитриевыми и Карамзиными. Е.Г.Дмитриева, тетка И.И.Дмитриева, была мачехой Н.М.Карамзина, второй женой его отца, а Е.Н.Дмитриева, племянница

за прошедшие сто лет эти семейные связи были утрачены, но память о родственных отношениях с Н.М.Карамзиным сохранялась в истории рода Пазухиных, что не могло не вызывать у его представителей особого интереса к творческому наследию историка. Таким образом, не исключено, что А.Д.Пазухин был знаком с содержанием «Записки» Карамзина и в какой-то мере повторил ее структуру, что, впрочем, не умаляет значения его статьи.

Судьба этих близких по духу произведений оказалась очень разной. «Записка о древней и новой России» в 1811 г. вызвала неудовольствие Александра I, хотя впоследствии его отношение к ней изменилось. В мае 1816 г., награждая Карамзина орденом св. Анны 1-й степени (после выхода первых 8 томов «Истории Государства Российского»), император сказал, «что жалует ленту не за Историю, а за Записку» [52, с.450 (сноска 10)]. Александр I не отказался от преобразований, однако не исключено, что именно «Записка» Карамзина заставила его быть более осторожным в своих начинаниях. «Записка» осталась неизвестной современникам, хотя в случае обнародования она несомненно получила бы тогда поддержку большей части общества. Но это произведение Карамзина осталось лишь ярким памятником историко-политической мысли начала XIX в.

Пазухин опубликовал статью «Современное состояние России и сословный вопрос» в тот момент, когда решение вопроса о путях реформирования местного управления во многом определяло общую направленность всей внутренней политики. Естественно, что статья, в которой предлагался проект устройства местного управления, альтернативный кахановскому проекту, привлекла внимание общества. Кн. В.П.Мещерский (внук Карамзина), известный своими консервативными взглядами, назвал статью Пазухина «сильной и талантливой», а ее автора – «молодым копыеносцем», который, выступив «против рати сильных опытом, авторитетом и иерархическим положением сановников либерального лагеря, заставил о себе говорить» [23, с.723]. 8 марта 1885 г. в письме к Александру III кн. Мещерский дал Пазухину следующую характеристику: «Это молодой человек, умный, даровитый и, главное, неувлекающийся. Он практически знаком с нуж-

И.И.Дмитриева, вышла замуж за П.С.Пазухина. [46, с.22, 25, 903].

дами русской жизни и не с луны хватает мысли для реформы, а прямо из прозаической правды» [24, с.134].

Однако либеральные органы печати (в столице их было большинство) подвергли статью Пазухина ожесточенной критике. Его предложения были признаны реакционными, создающими угрозу реформам предыдущего царствования. По оценке журнала «Вестник Европы», Пазухин («один из местных деятелей, "усиливших" собою состав Кахановской комиссии») представил в статье «новые образцы сословного прожектерства». Вместе с тем при-

В.П.Мещерский

знавалось, что с ее появлением «приверженцы» сословного принципа «перешли не только от обороны к наступлению, но и от общих фраз к более или менее определенным проектам» [3, с.372]. Журналист К.К.Арсеньев, иронизируя над идеей Пазухина о сословном представительстве, сравнивает его с так называемыми «докторами», «которые восхваляют на площадях и перекрестках свой чудотворный элексир, исцеляющий от всех болезней» [3, с.383]. Но, отстаивая проект Кахановской комиссии, Арсеньев не мог обвинить Пазухина в том, что тот сгущает краски при описании плачевного состояния учреждений, созданных реформами 1860–1870-х гг. Единственный аргумент журналиста в их защиту сводился к тому, что в дореформенный период было хуже.

В отличие от прессы, министр внутренних дел гр. Д.А.Толстой высоко оценил статью А.Д.Пазухина, ставшую своего рода рекомендацией для назначения ее автора правителем канцелярии Министерства внутренних дел. Появление на столь высокой должности человека из провинции, чуждого по своим убеждениям большинству петербургского общества, вызвало неприятие со стороны правящих кругов. Государственный секретарь Государственного совета А.А.Половцов прокомментировал это событие следующим образом: «Толстой с восхищением ухватился за бранную записку, сочиненную г. Пазухиным

против всего, что сделано было в минувшее царствование, (...) его записка родила проект о земских начальниках» [38, с.190]. Другой либерально мыслящий чиновник А.Н.Куломзин дал еще более уничижительную оценку деятельности Пазухина и гр. Толстого по созданию проекта закона о земских начальниках: «За эту работу с яростью новатора взялся новый начальник его канцелярии Пазухин, опозоривший свое имя в истории нашей администрации». При этом, по мнению Куломзина, Толстой «не давал себе труда вникать в детали подносимой ему стряпни» [19, с.359, 362].

Несмотря на поддержку императора, разработанные законопроекты вызвали полное неприятие со стороны либерального большинства правящей элиты, прежде всего, членов Государственного совета. В результате, составленный в 1886 г. проект «Положения о земских участковых начальниках» был утвержден только в 1889 г. и то лишь после вмешательства в законотворческий процесс императора Александра III. Все это не могло не удручать разработчика реформ, что подтверждает и запись в «Дневнике» издателя газеты «Новое время» А.С.Суворина 19 ноября 1886 г.: «Был у меня Пазухин, реформатор наших дней. Очень серьезный и убежденный человек, в разговорах одушевляется, говорит о своей нелюдимости. Его взгляд на современное положение безотраден. Он прямо говорит, что людей, верующих в самодержавие, очень мало в России» [45, с.64].

Почему проекты, разработанные в 1880-е гг., встречали такое противодействие со стороны образованных людей, в том числе тех, кто занимал высокие государственные должности? Передовая общественность, несмотря на сложную обстановку в стране, выступала за дальнейшее расширение выборного начала, поэтому признавала эти проекты реакционными, нарушавшими базовые принципы организации местного управления, заложенные реформами 1860-х гг.

Признавалось недопустимым возвышение роли сословий, особенно дворянства; соединение в должности земских начальников административных и судебных полномочий, нарушавшее принцип разделения властей; наконец, усиление надзора администрации за деятельностью общественных учреждений. В связи с этим следует отметить, что критике подвергалось не введение земских начальников, а то, что они не избирались земством, а назначались администрацией из числа местных дворян-землевладельцев. Надо заметить, что именно они

представляли тогда наиболее образованную и близкую к крестьянству часть сельского населения. Характеризуя господствующие в то время общественные настроения, кн. Мещерский не без иронии отмечал: «Если бы (...) был сочинен земский начальник бессословный, хотя бы из ссыльных мещан или поднадзорных интеллигентов, то вся печать такого земского начальника торжественно взяла бы под свою защиту и общественное мнение было бы его попутным ветром» [23, с.724]. Кн. Мещерский не случайно отметил особую роль прессы в формировании общественного мнения. По наблюдению французских историков, «благодаря распространению печати становится возможным превращение (...) спустя какое-то время всего общества в коллективную критическую инстанцию» [25, с.217]. Хотя этот вывод сделан применительно к Франции XVIII в., но с полным основанием его можно отнести и к России второй половины XIX столетия.

По сравнению с началом века в пореформенный период число периодических изданий, особенно политической направленности, многократно увеличилось. Историк С.М.Соловьев, внимательный наблюдатель современных ему событий, отмечал, что с реформ 1860-х гг., «пошла мода на либеральничание» [43, с.649]. Приверженцами этой «моды» было большинство столичных органов печати, оказывавших огромное влияние на формирование общественного мнения всей России. «Мнение петербургской журналистики, – писал Пазухин, – стало выдаваться за дух времени, за общественное мнение страны» [34, с.12]. Представление о «духе времени» столичных журналистов базировалось преимущественно на умозрительных рассуждениях, далеких от реальных потребностей страны. В результате все, что не укладывалось в прокрустово ложе искусственных построений, признавалось реакционным. Такая судьба постигла реформы 1880–1890-х гг. и их разработчика А.Д.Пазухина.

Однако, помимо изменений в общественно-политическом климате страны, была тому и другая причина, которая заключалась в особенностях российских реформ.

Специфика реформ в России

В 2012 г. в Петербурге состоялась международная конференция, посвященная проблеме реформ на западе и востоке Европы XVI–

XVIII вв. Статьи ее участников дают возможность составить представление об эволюции понятия «реформа» и восприятии преобразований современниками на разных этапах развития европейских государств, включая Россию [48].

За три столетия трактовка понятия «реформа» претерпела заметные изменения. В XVI в. реформа воспринималась, как возвращение к прежней форме для исправления злоупотреблений, возникших в результате отклонения от овеванных стариной начал. В значении «новизн» реформы осуществлялись постепенно, путем введения «отдельных изменений в разные узлы административного механизма, но не демонтажом системы в целом» [2, с.27]. Таким же путем шел процесс реформирования управления и в XVII в.: «новизны» вписывались в действующую систему, дополняя и улучшая, но не разрушая ее. В этом отношении Россия развивалась в одном русле с европейскими государствами.

Ситуация изменилась в скорый на решения век Просвещения. В XVIII в. трактовка понятия «реформа» в странах Европы несколько расширилась, хотя суть осталась прежней. Словом «реформа» определяли действие, направленное на устранение злоупотреблений и улучшение, независимо от того, восстанавливалась ли прежняя форма или создавалась новая [35, с.66–67; 25, с.218]. Но преобразования не должны были подрывать основ государственного устройства, поэтому их уподобляли врачу, который обязан лечить больного, не стремясь при этом сделать его другим человеком [35, с.67].

Вместе с тем на почве философии Просвещения в XVIII в. возник новый тип реформ, так называемых «философских» [35, с.65] или «умозрительных» [25, с.227], предусматривавших всеохватное переустройство жизни государства и общества. Однако реализовать такие замыслы мог только реформатор, обладавший абсолютной властью и настроенный на проведение любых преобразований («легальный деспот»). В Европе, в условиях существования парламентов и прессы, формирующей общественное мнение, возможности таких реформаторов были весьма ограничены [25, с.220–223; 35, с.67–68]. Россия находилась в иных условиях. Петр I обладал неограниченной властью и был настроен на крутые перемены, что и привлекло к нему внимание европейских философов-рационалистов. Как писал М.М.Богословский, вокруг Петра I «жужжала целая толпа политических прожекте-

ров, представлявших ему различные "пропозиции", "изъявления", "доношения", "мемориалы", содержавшие самые разнообразные реформационные планы»⁹.

В отличие от европейских монархов, Петру I удалось воплотить в жизнь идею века Просвещения и провести в России всеохватывающие преобразования. После Петра I не одно поколение российских реформаторов заимствовало европейские учреждения и законы, изготавливая по их образцам плохие копии, которые внедрялись во все сферы жизни страны. С XVIII в. закон в России получил значение инструмента, с помощью которого правительство пыталось направить развитие страны в желаемое русло, далеко не всегда считаясь с наличием реальных условий для такого развития.

Так, губернская реформа 1775 г., несмотря на многие положительные стороны, лишила Россию центрального управления. В результате с учреждением министерств ключевой, но плохо решаемой управленческой задачей стало создание механизма взаимодействия центральных и местных властей. Классическим примером всеобъемлющих преобразований был подготовленный Сперанским «План всеобщего государственного образования» 1809 г. Его реализация должна была в течение года коренным образом переустроить государственный и общественный строй России. Новая волна смелых реформ захлестнула Россию в 1860–1870-е гг., поставив под сомнение необходимость существования самой самодержавной власти. Продолжением реформ Александра II должны были стать преобразования, намеченные Кахановской комиссией.

В отношении характера российских реформ пророческими оказались слова Карамзина, писавшего в 1811 г.: «Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем, и долгое время, заблуждаться в нашей внутренней государственной системе; вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума» [16, с.427].

Оценка преобразовательной деятельности правительства современниками и историками позволяет выделить ряд характерных особенностей российских реформ.

⁹ Цит. по: [40, с.326].

1. В период подготовки преобразований действовавшая система управления подвергалась всесторонней критике, а порой и очернению (для доказательства ее несостоятельности). На эту закономерность обратил внимание один из современников реформ Александра II, который в их преддверии писал: «При начале царствования Александра I и Николая I поднимались общие возгласы о бывших беспорядках, с жаром свершались преобразования, сменялись лица, переделывалось управление, а общее расстройство росло более и более. Ныне тот же говор! Везде твердят: надо исправить бывшие ошибки; сердце же русского сжимается от страха, ибо, нежели по примеру прошедшему, новые преобразования увеличат расстройства, то не устоять Государству Российскому на подмываемых отовсюду основаниях» [1, д.29, л.48 об.].

Александр II

2. Реформы разрабатывались «с чистого листа», т.е. без учета деятельности предшественников, что нарушало преемственность в законотворческом процессе. Кн. В.П.Мещерский, бывший чиновник Министерства внутренних дел, писал: «Нынешнее министерство внутренних дел П.А.Столыпина, доверенное относительно реформ товарищу министра Крыжановскому, сочиняет свой проект реформ по непосредственному вдохновению, предпочитая сие огромной работе изучения ценных материалов, собранных Кахановской комиссией. (...) заставленные шкафами комнаты, где лежали годами никем не читаемые работы разных комиссий для переустройства губернских и уездных учреждений» [23, с.723].

3. Реформы нарушали преемственность между разными этапами развития государства и общества; переход от одной административ-

ной системы к другой был резким и глубоким, являлся результатом законодательного решения, а не эволюционного развития. «Если бы мы теперь, – писал в конце 1850-х гг. историк Н.В.Варадинов, – захотели связать исторической нитью Приказы, Коллегии и Министерства, то найдем эту соединительную нить разве в одном времени, т.е., что место Приказов заняли в высшем государственном устройстве Коллегии, а место их – Министерства; другой связи между ними нет. Как были новы и чужды Приказам Коллегии, так почти новы и чужды сим последним Министерства» [7, с.36].

4. Реформы изменяли систему государственной и общественной жизни страны, что по своим последствиям не укладывалось в исходные рамки понятия «реформа». А.Д.Градовский писал по поводу реформ Александра II: «Употребляя выражение "реформы", мы не имеем в виду сказать, что *прежние* установления были *преобразованы* согласно новым условиям и потребностям. Напротив, не только *прежние* установления, но вся *система* прежнего управления была устранена в главных своих частях и заменена другой системой (так в тексте. – Л.П.)» [10, с.44–45, 508].

5. Реализация законопроектов, часто непродуманных и поспешных, далеко не всегда отвечала замыслам их создателей. Оценивая министерскую реформу 1802 г., гр. П.В.Завадовский писал: «Всего хотим лучшего, и, кажется, стремительно; но лишь к исполнению – тут и препоны» [14, с.271]. Интересно, что спустя два столетия эту мысль повторил премьер-министр современной России В.С.Черномырдин в известной фразе: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Такое совпадение можно объяснить только особенностями российских реформ, сохранившимися до настоящего времени.

6. Глубокие и частые преобразования умозрительного характера, не отвечавшие реальным потребностям страны, тормозили ее развитие, нанося вред и государству, и народу. «Прогресс упорно идет по своему пути, а не по тем планам оптовых реформ, по которым его хотят тащить. Именно "планы всеобщего государственного преобразования" ведут к потере времени и энергии. Таким образом, вся жизнь народа превращается в переход от одного плана к другому, нередко еще более сумасбродному. В этой смене оптовой государственной ломки проходит все время исторического народа» [47, с.108]. К такому неутешительному заключению пришел историк Ф.М.Уманец, раз-

мышляя о специфике российских реформ. При этом автор отметил, что по числу таких «Планов» Россия занимала первое место среди других народов [47, с.99].

Особенный характер российских реформ сказался и на трактовке понятия «реформа», отличной от европейской. В словаре французского языка Литтре (издан в 1870-е гг.), основное значение этого слова осталось таким же, как и в XVIII в.: реформа – это «действие, возвращающее к прежней форме или создающее лучшую форму» и направленное «на устранение возникших

Александр III

злоупотреблений, пресечение злоупотреблений»¹⁰. Иное дело русские словари. Так, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И.Даля (издан в 1860-е гг.), «реформа – это новизна, преобразование в порядках, устройстве» [12, т.3, стлб.1681]. Краткость такого определения заставляет обратиться к толкованию слова «новизна». Значение этого слова («состояние всего нового, нововведение, новый обычай») Даль дополнил пословицами, раскрывающими отношение народа к нововведениям, и в конечном итоге к реформам: «Что новизна, то и кривизна», «много новизны, да мало прямизны» и др. [12, т.2, стлб. 1426].

При таком восприятии реформ в рамки этого понятия не укладываются «исправительные», по определению писателя К.Н.Леонтьева, преобразования царствования Александра III, корректирующие и устраняющие ошибки и просчеты смелых реформаторов [20, с.140]. Для определения таких преобразований, с легкой руки публицистов

¹⁰ Цит. по: [25, с.218].

второй половины XIX в., в обиход вошло неизвестное в европейской практике понятие «контрреформа», получившее широкое распространение в работах историков и прочно закрепившееся за преобразованиями Александра III. Очевидно, что при таком подходе перечень «контрреформ» можно значительно расширить, причислив к ним многие преобразования, как прошлого, так и настоящего времени.

* * *

М.М.Сперанский и А.Д.Пазухин были талантливыми реформаторами своего времени. Один реформировал Государственный совет и министерства, другой создал институт земских начальников и преобразовал общественное управление. Однако оценка, с которой они вошли в историю, обусловлена не их конкретной деятельностью. Она сформировалась под влиянием общественно-политического климата, сложившегося в стране в пореформенный период, и утвердившегося в России специфического восприятия самих реформ. Сперанский за свой умозрительный «План всеобщего государственного образования» был возведен на пьедестал великого реформатора. Пазухин за преобразования, отвечавшие насущным потребностям страны, был признан творцом «контрреформ» и одним из символов «реакционной эпохи» Александра III.

Библиографический список

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.231.
2. Аракчеев В.А. Реформы местного управления в России второй половины XVI в. // См. №48. С.19–30.
3. Арсеньев К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы (СПб.). 1885. Кн.3. С.372–388.
4. Большов В.В. Кахановская комиссия на страницах русской периодики и исторической литературы // Проблемы истории СССР. Вып.4. М.: Изд-во МГУ. 1974. С.155–172.
5. Братья Булгаковы [Александр Яковлевич и Константин Яковлевич]. Переписка. В 3 т. Т.1: Письма 1802–1820 гг. М.: Захаров, 2010. 749 с.
6. Бумаги Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Русского исторического общества. Т.90. СПб.: Государственная типография, 1894. 621 с.
7. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. В 3 ч. Ч.1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1858. 251 с.
8. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. 590 с.

9. Выдержки из дружеских писем преосвященного Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македону // Русский архив (М.). 1870. Т.1. Стлб.769–880.
10. Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т.9. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1904. VI, 599, CLXXXI с.
11. Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: Аиро–XXI, 2013. 560 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Универс, 1994. (р/п). Т.2: И–О. 2030 стлб.; Т.3: П–Р. 1782 стлб.
13. Державин Г.Р. Записки 1743–1812. М.: Мысль, 2000. 332 с.
14. Завадовский П.В. Из письма гр. П.В.Завадовского к графу Семену Романовичу Воронцову. 11 апреля (1803) // Архив князя Воронцова. Кн.12. М.: Типография Лебедева, 1877. С.270–273.
15. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Призванные Отечеством. Российские прокуроры. 1722–1917. М.: РОССПЭН, 1997. 815 с.
16. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московский учебник, 2002. С.378–434.
17. Катков М.Н. Истинные задачи Комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России // Катков М.Н. Имперское слово. М.: Москва, 2002. С.396–402.
18. Катков М.Н. Кое-что о прогрессе // Русский вестник (М.), 1861. Т.35 (октябрь). С.107–127.
19. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., автор вступ. ст., коммент. и примеч. К.А.Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.
20. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // К.Леонтьев, наш современник. [Сборник] / Сост. Б.Адрианов, Н.Мальчевский. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С.140–151.
21. Лотман Ю.М. Карамзин Николай Михайлович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / Гл.ред. П.А.Николаев. Т.2: Г–К. М.: Фианит, 1992. С.470–477.
22. Манифест о мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых бумаг ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин // Полное собрание законов Российской империи, 1-е собрание (1649–1825) (Далее – ПСЗ-1). Т.31: 1810–1811. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №24116. 2 февраля 1810 г. С.53–60.
23. Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.
24. Мещерский В.П. Письма к императору Александру III. 1881–1894 / Сост. Н.В.Черникова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 804 с.
25. Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба // См. №48. С.216–228.
26. Модзалевский Б.Л. Дружинин Я.А. // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А.Половцова. В 25 т. (Далее – РБС). Т.6: Дабелов–Дядьковский. СПб.: Типография Тов-ва «Общественная польза», 1905. С.691–692.

27. Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки Alesanteri inst. Corp., 1998. 357 с.
28. Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.
29. О единовременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в 8-классных и 5-классных должностях и выслуживших до 22 августа 1826 г. узаконенные в настоящих чинах сроки // Полное собрание законов Российской империи, 2-е собрание (1825-1881) (Далее – ПСЗ-2). Т.1: с 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №539. 22 августа 1826 г. С.890–891.
30. О не присвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина, ни военно-го, ни гражданского и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжить оную по установленному порядку с первоначальных чинов // ПСЗ-1. Т.30: 1808–1809.. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №23559. 3 апреля 1809 г. С.899–900.
31. О правилах производства в чины и экзаменах для производства в чины коллежских асессоров и статских советников // ПСЗ-1. Т.30: 1808–1809. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №23771. 6 августа 1809 г. С.1054–1057.
32. Пазухин Алексей Дмитриевич // РБС. Т.13: Павел, преп. – Петр (Илейка). СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1902. С.112–113.
33. Пазухин Алексей Дмитриевич // Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10. 1722 – 2.03. 1917) / Сост. Е.Л.Потемкин. В 3 т. Т.2: И – П. М.: Б.и., 2017. С.539.
34. Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник (М.). 1885. №1. С.5–58.
35. Пименова Л.А. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения // См. №48. С.59–68.
36. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
37. Писарькова Л.Ф. Кахановская комиссия и реформы 1880–1890-х гг. // Россия XXI. 2020. №2. С.156.
38. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. В 2 т. / Ред., биогр. очерк и коммент. проф. П.А.Зайончковского. Т.2: 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966. 577 с.
39. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе // ПСЗ-2. Т.9: 1834. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Отд. 1. №7224. 25 июня 1834 г. С.656–665.
40. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // См. №48. С.323–337.
41. Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник / Под ред. А.Г.Дементьева. М.: Госполитиздат, 1959. 835 с.

42. Сегень А.Ю. История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М.Карамзин. М.: Воробьев А.В., 2001. С.221–226.
43. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.18. М.: Мысль, 1995. С.529–660.
44. Строганов, гр. Павел Александрович // РБС. Т.19: Смеловский – Суворина. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1909. С.514–522.
45. Суворин А.С. Дневник. М.: Независимая газета, 2000. 666 с.
46. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева. В 2 кн. Кн.1: Хроника. М.: [Б.и.]; Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 959 с.
47. Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб.: Типография М.Д.Ломковского, 1910. 171 с.
48. Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей / Под ред. М.М.Крома, Л.А.Пименовой. СПб.: Европейский университет, 2013. 364 с.
49. Чернышевский Н.Г. Русский реформатор // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т.7. М.: Гослитиздат, 1950. С.794–827.
50. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 223 с.
51. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.
52. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. В 4 т. Т.4. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1905. 651 с.